

СКӘТИНГЪ РИНКЪ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
СПОРТИВНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕН-
НО-ЮМОРИСТИЧЕСК
ЖУРНАЛЬ

1910.

АПРѢЛЬ.

№ 2.

8

ПОВДИНОКЪ

Рисунокъ А. А. Юнгера.

Рисунок Г. К. Лукомскаго.

Суженая.

(Народная сказка).

Три года игралъ молодецъ съ дѣвицей. Много было поговорено тайныхъ словъ. Вотъ какъ Марья любила Ивана! Эй, кто жъ у насъ теперь такъ любить. Пришло время вѣнцы надѣвать. А выдали Марью за другого, за Ивана не дали. Живо старики справили дѣло. Попался зять совѣтный, да богатый, имъ и ладно. А ей не медъ житье, почернѣла, чернѣе осенней ночи, лишь глаза, какъ свѣчи, горѣли, надсадилось — холодомъ заморозилось сердце, и не весела, не радостна пѣла вечерами заунывныя и печальныя пѣсни, тяжело было до смерти. Да стерпѣла и покорилась.

Три года прожила она съ немилымъ. И сдѣлалась нездорова, и стала у ней глотка болѣть. И недолго прохворала, померла на Кузьму-Демьяна. И похоронили Марью. А тутъ пришла зима, пришли морозы и бѣлымъ снѣгомъ покрыло могилу.

И лежала Марья подъ бѣлымъ снѣгомъ въ могилѣ, вотъ ночью встала и пришла къ своему мужу.

Заградилъ Федоръ крестомъ:

— Да будь она проклятая баба!—и не пустилъ жену въ домъ.

Пошла Марья къ отцу, къ матери.

— На кого ты ротъ разинула?—сказалъ отецъ.

— Куда ты, бѣсъ, бѣгаешь?—сказала мать.

Испугались отецъ и мать, не пустили дочь въ избу.

Пошла Марья къ крестной матери.

— Ступай, грѣшная душа, куда знаешь, здѣсь тебѣ мѣста нѣту!—выпроводила крестная крестницу.

И осталась Марья одна—чужая на вольномъ свѣтѣ, лишь небомъ покрытая. Да вдругъ опомнилась:

„Пойду я къ моему старо-прежнему, онъ меня приметъ!“

И пришла подъ окно къ Ивану. Онъ сидитъ у окна, образъ пишетъ—Богородицу. Постучала въ окно. Разбудилъ Иванъ работника—ночное время—вышли во дворъ съ топорами.

Работникъ, какъ увидалъ ее, испугался, что съѣстъ она его, да безъ оглядки бѣжать.

А она къ Ивану:

— Возьми меня, я тебя не трону.

Обрадовался Иванъ, подошелъ къ ней, ее обнялъ.

— Постой,—она говоритъ,—ты не прижимай меня крѣпко, мои косточки належались!

А сама глядитъ на него—не наглядится, любуется не налюбуется. Вотъ какъ Марья любила Ивана! Эй, кто жъ у насъ теперь такъ любить!

Онъ взялъ ее въ домъ, никому не показывалъ, наряжалъ ее, кормилъ и поилъ. На Рождество пошли они въ церковь. Пришли въ церковь и всѣ на нее смотрятъ, отецъ и мать и мужъ и крестная.

— Это будто моя дочка!—говоритъ мать.

— Да таки наша!—говоритъ отецъ.

Переговаривались между собою отецъ и мать и мужъ и крестная.

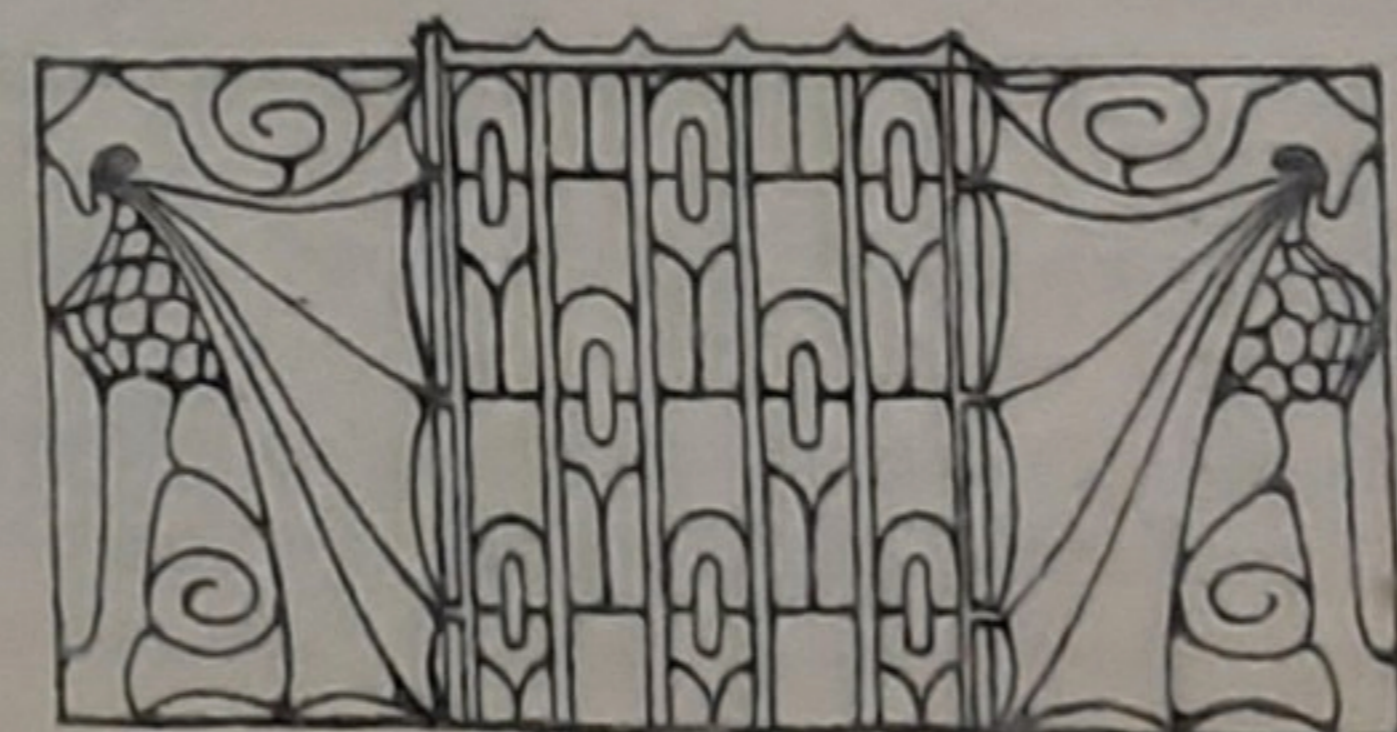
А какъ обѣдня кончилась, подошла она къ матери:

— Я ваша и есть, помните, ночью къ вамъ приходила, да вы меня не пустили, я пошла къ старо-прежнему, и онъ меня взялъ, наряжалъ меня, кормилъ и поилъ.

И всѣ признали Марью и присудили ей: за старо-го мужа не дали назадъ, а дали ее Ивану. Дождались весны. И какъ растаяли снѣга, сдѣлалась теплынь и пошли зеленые всходы, на Красную горку ихъ повѣнчали.

Тутъ моя сказка, тутъ моя повѣсть.

Алексѣй Ремизовъ.

*) Въ основу положена народная сказка записи акад. А. А. Шахматова изъ сборника Н. Е. Ончукова. СПб. 1908.